Глава 34

Маятник событий качнулся в обратную сторону столь резко, что присутствующие не сразу осознали масштаб случившегося. Все — включая саму Ли Юньюнь — застыли, в немом шоке уставившись на скулящее нечто, распластавшееся на земле.

Первой тишину нарушила женщина-призрак. Её истошный крик полоснул по ушам:

— А-а-а! Где мой сын?!

— У-у-у... Мамочка, малышу больно, — заскулил щенок.

Услышав голос «матери», существо жалобно посмотрело на неё и потянулось короткими лапками, выпрашивая объятия. Несмотря на жутковатый вид — синюшную кожу и торчащие клыки — в его движениях сквозила такая детская беспомощность, что любая девушка невольно бы смягчилась.

Но Ли Юньюнь была призраком. И даже став духом, она прекрасно понимала: человек не может родить щенка. Вместо нежности её сердце затопил ледяной ужас. Куда делся её ребёнок? Почему на его месте оказался этот уродец?

— Что ты сделал с моим сыном?! — Ли Юньюнь вперила яростный взгляд в Бай Чжаня. Её аура стремительно чернела, наливаясь первобытной мощью, словно она вот-вот была готова превратиться в демона, карающего всё живое.

Люди в страхе попятились. Бай Чжань же остался невозмутим.

— Это не твой сын, — отрезал он. — У тебя никогда не было детей.

— Ложь! Ты лжёшь! — взвизгнула она, и этот звук, полный боли и ненависти, казалось, пронзил сами стены. — У меня есть малыш, он самый лучший! Это ты его спрятал! Верни мне моего ребёнка!

Обезумев от горя, Ли Юньюнь бросилась на юношу, выставив вперёд длинные, острые когти. Материнская любовь — инстинкт, который не исчезает даже после смерти, и потеря «сына» стала для неё последней каплей.

Однако стоило ей приблизиться, как вокруг Бай Чжаня вспыхнуло золотистое сияние. Защитный барьер из золотого света заслуг с шипением отбросил её прочь. В этом и заключалась сокрушительная сила золотого света заслуг: ни одна нечисть не могла даже коснуться её обладателя.

— Злодей! Чудовище! Вы все заслуживаете смерти! — Ли Юньюнь рыдала, распластавшись на полу. Её глаза, налитые кровью, горели ненавистью. — Верни его… У меня больше ничего нет, только мой малыш…

Кровавые слёзы катились по её изуродованному, гниющему лицу.

— Пожалуйста, отдай его мне… Я отпущу вас, клянусь, только верни мне кроху… Я никого не убивала, я лишь забирала у этих людей немного заслуг, чтобы мой мальчик в следующей жизни родился в хорошей семье… Он умер так несправедливо, он не может переродиться…

Вид рыдающего призрака, потерявшего последнюю надежду, был невыносим. Присутствующие невольно почувствовали укол жалости — какой бы пугающей ни была Ли Юньюнь, её земная судьба была поистине трагичной. Впрочем, сочувствие это жило лишь потому, что пока никто из них не погиб.

Бай Чжань тоже сопереживал ей, но понимал: ни человек, ни дух не могут вечно жить в коконе из лжи и иллюзий. Он перевёл суровый взгляд на щенка, который всё ещё пытался строить из себя невинную жертву.

— Долго собираешься ломать комедию? — холодно спросил мастер. — Пусть вы не родня по крови, ты провёл в её утробе немало времени. Она оберегала тебя, заботилась, тратила силы на твоё будущее… Тебе не совестно смотреть, как она умирает во второй раз, запутавшись в твоём обмане?

— У-у-у… — щенок жалобно пискнул, сложив передние лапки в умоляющем жесте. Его круглые глаза наполнились слезами.

Бай Чжань остался непреклонен. Он резко полоснул ножом по ладони и взмахом руки окропил существо кровью, заряженной золотым светом.

Раздалось шипение, словно раскалённый металл опустили в воду. Щенок забился в конвульсиях, издав истошный вопль:

— А-а-а-у-у-у!

— Малыш! — Ли Юньюнь рванулась к нему, но замерла в нерешительности. Она металась между материнским инстинктом и осознанием того, что перед ней может быть монстр, созданный этими людьми.

Бай Чжань холодно усмехнулся:

— Что ж, раз ты молчишь, я сам всё расскажу.

— Не смей! Не смей! — внезапно прорезался у щенка тонкий детский голосок. Он оскалился, и в его тоне не осталось и следа от прежней милоты. — Я мамин любимчик! Я её крошка! Если ты, паршивый даос, посмеешь болтать лишнее, я разорву тебя на куски! Я сожру всю твою удачу и благодать, и в следующих десяти жизнях ты будешь самым жалким неудачником в мире!

Несмотря на грозные слова, писклявый голос и неуклюжий вид делали его угрозы почти комичными. Но стоило ему договорить, как перед ним возникла высокая фигура. Прежде чем щенок успел среагировать, его подбросило в воздух, и на него обрушился град сокрушительных ударов.

— У-у-у! Больно! Ты кто такой?! Как ты смеешь меня бить?! — вопило существо, беспомощно суча лапками.

Эти удары не пускали кровь, но отзывались невыносимой болью в самой глубине его призрачной сути. Каждое попадание буквально встряхивало душу. За всю свою недолгую посмертную жизнь дух-пи-сю не чувствовал себя столь униженным. Он хотел было огрызнуться, но гордость быстро сменилась животным страхом.

— Хватит! Перестань! — скулил он. — Ты хоть знаешь, кто я?! Не бей по лицу! Ай!

— Заткнись, — Цинь Цзиньюань перехватил щенка за загривок. Его голос, ледяной и властный, сопровождался такой волной подавляющей ауры, что дух-пи-сю мгновенно онемел.

Он лишь мелко дрожал, глядя на мужчину в маске глазами, полными ужаса. Эта сила была за гранью его понимания.

Люди наблюдали за этой сценой с разинутыми ртами. Неужели главный кошмар этого места был повержен так просто?

***

Бай Чжань мельком взглянул на присмиревшего духа и едва заметно улыбнулся. Затем он снова повернулся к Ли Юньюнь.

— Твоё самоубийство ведь не было актом отчаяния, верно? Ты сделала это намеренно.

Это был не вопрос, а констатация факта. Ли Юньюнь вскинула голову, её зрачки сузились:

— Ты... откуда ты...

В толпе Менеджер Ду и его помощники обменялись растерянными взглядами. Очевидно, даже

они не знали всей подоплеки.

— В наш век информацию несложно найти, если знать, где искать, — Бай Чжань качнул смартфоном, на котором всё ещё мерцал защитный талисман. — Секретарь Ван прислал мне весьма любопытные данные.

Он открыл файл и начал читать:

— Ли Юньюнь, 24 года. Уроженка деревни Хунцин провинции Y. Семья: родители и трое старших братьев. В 20XX году поступила в Пекинский университет Дунда…

С самого момента прибытия в клуб Бай Чжань чувствовал, что дело не в паре-тройке призраков. Аура этого места была слишком густой, а вкрапления чужой благодати в тёмной энергии и вовсе сбивали с толку. Пока он тянул время, Секретарь Ван проводил расследование, а Менеджер Ду невольно выдавал детали. Пазл сложился.

— Менеджер Ду рассказал правду, но лишь её часть, — Бай Чжань посмотрел в глаза Ли Юньюнь. — Став игрушкой в руках молодого господина Яна, ты действительно была на грани. Но ты не сдалась. Ты решила терпеть и жить дальше, потому что полюбила человека. Его звали Чжао Хан, он работал здесь официантом, верно?

Ли Юньюнь промолчала, но в её взгляде промелькнула такая нежность и тоска, что ответ стал очевиден. Чжао Хан был для неё единственным лучом света в том аду, в который превратилась её жизнь.

Бай Чжань вздохнул и покачал головой:

— Бедная девочка. Тебя обманули. Чжао Хан не был твоим спасением. Он — такой же подонок, как и Ян. Знаешь, кто владел этим клубом до семьи Ян? Отец Чжао Хана.

Ли Юньюнь замерла.

— Семья Чжао перешла дорогу отцу Яна — нынешнему мэру города F, Ян Цюаньляну. Чжао разорились, клуб перешёл к Янам, а родители Чжао Хана покончили с собой, оставив сыну многомиллионные долги. Как изнеженный богатый наследник мог их выплатить? Он придумал план: вскрыть правду о сотнях тел, зарытых под этим фундаментом, и низвергнуть Ян Цюаньляна. Ведь это преступление их семьи совершали вместе.

Присутствующие ахнули.

— Сотни тел?! Под нами?!

Менеджер Ду и остальные побледнели как полотно. Они и не подозревали, на чём стоит их «элитный курорт».

— А вы думали, откуда здесь столько призраков? — Бай Чжань усмехнулся и продолжил, обращаясь к Ли Юньюнь: — Ты хотела защитить Чжао Хана. Ты пошла к журналистам, надеясь разоблачить Яна и сбежать с любимым. Но ты недооценила власть мэра. Пресса вывернула всё наизнанку, сделав виноватой тебя. Тебя травили в сети, а твою семью просто купили — они сами начали поливать тебя грязью за пачку купюр.

— Вот тогда ты действительно сломалась. Ты решила, что жизнь — это сплошная боль, и ты больше не достойна Чжао Хана. И ты выбрала смерть, чтобы стать мстительным духом… Чтобы, отказавшись от перерождения, вечно охранять это место, забирать удачу у гостей и отдавать её Чжао Хану и вашему «ребёнку».

— Ли Юньюнь, ты была готова на всё ради любви, но твои чувства использовали самым гнусным образом. Чжао Хан сам подтолкнул тебя к этому. Он заранее предупредил Яна о твоём походе к журналистам, чтобы тот успел подготовиться. Ему нужно было, чтобы ты умерла в муках и стала сильным призраком.

— И ещё одно. Свет заслуг — яд для нечисти. Ты — злобный дух, но ты управляешь другими призраками, чтобы они собирали удачу. Тебя не смущало, что твой «малыш» спокойно поглощает эту энергию, а тебя она обжигает? Это же абсурд.

— Нет… нет, это неправда! Чжао Хан любил меня! — Ли Юньюнь затряслась, кровавые слёзы хлынули с новой силой. — Все были против меня, даже родные предали за деньги… Но он… он не мог! Ты лжёшь, ты просто хочешь нас уничтожить!

— Я не лгу. И ты сама это чувствуешь. Этот щенок — не твой сын. Это дух-пи-сю.

Бай Чжань не знал, где Чжао Хан раздобыл технику переноса удачи и как подчинил этого духа, но результат был налицо. Пи-сю — священное животное, и даже став призраком, оно сохранило способность манипулировать удачей.

— Чжао Хан — мразь, — Бай Чжань был беспощаден. — Он хотел, чтобы ты стала его вечным инструментом.

Ли Юньюнь не выдержала. Её крик, полный нечеловеческой боли, сотряс воздух. Она била кулаками по земле, а её аура начала менять цвет — из чёрной она становилась кроваво-красной. Это был признак превращения в злобного духа в красном.

— Стой! — Бай Чжань быстро сложил печати и направил поток золотого света в её сторону, помогая удержать рассудок. Стать красным духом — значит навсегда закрыть себе путь к нормальному перерождению. Даже после веков в аду шансы будут ничтожны.

В этот момент щенок, зажатый в руке Цинь Цзиньюаня, отчаянно заверещал:

— Мамочка, не надо! Я твой малыш! Я не врал тебе! Я люблю тебя больше всех на свете!

Бай Чжань выключил стрим — зрителям не стоило этого видеть — и холодно бросил щенку:

— Любишь? И поэтому помогал этому подонку?

— Вовсе нет! — огрызнулся дух-пи-сю. — Я не слушал его! Я сожрал всю его удачу до капли! Этот мерзавец будет страдать до конца своих дней и во всех следующих жизнях! Я люблю маму! Я хочу переродиться вместе с ней! Я хочу быть её настоящим ребёнком!

Существо рыдало, и его облик постоянно менялся: то жуткий щенок, то маленький человеческий младенец.

Ли Юньюнь, увидев знакомые черты «сына», дрогнула. Красный туман вокруг неё начал рассеиваться.

— Малыш?.. — прошептала она.

— Это я, мамочка! Обними меня! — дух-пи-сю потянулся к ней пухлыми ручонками.

Ли Юньюнь уже хотела броситься к нему, но Бай Чжань снова преградил ей путь.

— Опять врёшь, — усмехнулся он. — Если бы ты действительно любил её, давно бы помог ей уйти на перерождение. Старый пройдоха в теле младенца — как тебе не стыдно?

За десять лет, поглощая чужие заслуги, этот дух мог бы сто раз очистить ауру Ли Юньюнь. Но он предпочитал удерживать её здесь.

— Ах ты, паршивый даос! — взвизгнул щенок, забыв о страхе перед Цинь Цзиньюанем. — Я великий и прекрасный Пи-сю! Я не старый, я — малыш! Ты просто злой, бесчувственный сухарь! Ты ничего не понимаешь! Ты сам — бабник и обманщик! Я вижу твои нити судьбы!

Бай Чжань, который до этого сохранял образ невозмутимого мастера, поперхнулся от возмущения.

— Что ты несёшь, мелкий пакостник?!

— Я не вру! — щенок извивался в руках Цинь Цзиньюаня. — У тебя две линии брака! Одна золотая, она тянется к этому Большеглазому, а вторая — красная, она ведёт вон к тому парню в

толпе! Ты точно ему изменяешь!

Бай Чжань почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он медленно повернулся к Цинь Цзиньюаню и выпалил:

— Дорогой, врежь ему как следует!

Цинь Цзиньюань не заставил себя ждать. Глухие удары и вопли щенка заполнили комнату.

— У-у-у! Больно! Перестань! — рыдал дух-пи-сю. — Большеглазый, почему ты его слушаешь?! Я правду говорю! Он — такой же изменщик, как Чжао Хан! У него две нити! Вон та, красная, ведёт к нему!

Щенок ткнул пухлой лапкой в сторону людей. Все невольно проследили за его жестом.

Лапка указывала прямо на Цянь Юя. Тот застыл, и его лицо медленно налилось густой краской — то ли от возмущения, то ли от шока.

http://bllate.org/book/13666/1588363